

Глава 41.

— Значит, каждый из нас имеет три шанса на возрождение, и, потратив их, мы превращаемся в куклу? — Чжоу Цзыци коснулся своей груди, прикрыл рот и несколько раз сильно закашлял. — Это действительно очень хлопотно.

Инь Люмин сидел в стороне, ничего не говоря.

Ли Байцзю, видя, как сильно кашляет Чжоу Цзыци, встал, огляделся, а затем снова сел с озабоченным выражением лица:

— Здесь есть стаканы с водой, но для нас они размером с ванну..

— Не нужно, это мой недуг ещё до входа в игру. Он не смертельный, не помеха. — Чжоу Цзыци улыбнулся и махнул рукой, его взгляд упал на лицо Инь Люмина, выражая лёгкое недоумение. — Позволь мне быть прямым, но твои три шанса вообще не уменьшились...это особая механика для этого сна?

Инь Люмин поднял глаза и слегка улыбнулся:

— Честно говоря, я тоже не уверен. Возможно, я активировал какую-то награду в этом сне?

Ли Байцзю почесал затылок:

— Я в этом сне уже почти больше месяца, и впервые вижу такое..

Чжоу Цзыци вздохнул:

— Такой удаче действительно невозможно не позавидовать. — Он перевёл взгляд на Инь Люмина. — Быть партнёрами в этом сне — судьба. Очень приятно с тобой познакомиться.

Инь Люмин приподнял бровь:

— Взаимно.

В этом сне он не делал ничего особенного, кроме как постоянно говорил «очень приятно с тобой познакомиться» множеству людей — и подавляющее большинство этих знакомств на самом деле не были такими уж «приятными».

Оба мужчины улыбались почти одинаково мягкими улыбками.

Внешность Чжоу Цзыци тоже была выдающейся — из-за болезненности он излучал хрупкость, подобную нежной орхидее. Напротив него выражение лица Инь Люмина было мягким, его глаза ясными и яркими, напоминая спокойное озеро.

Двое, одетые в подходящие друг другу костюмы Оловянного Солдата и Маленькой Танцовщицы, действительно выглядели довольно гармонично.

Ли Байцзю смотрел туда и сюда между двумя красавцами, его взгляд был несколько рассеянным, и он с энтузиазмом сказал:

— Люмин, Цзыци, не хотите ли вы пойти посидеть в центре стола? Чуть позже, когда этот медведь придёт тряссти стол, сидение слишком близко к краю может сбросить вас вниз.

Чжоу Цзыци выглядел озадаченным:

— Медведь?

Ли Байцзю кратко объяснил про медведя и механику карусели.

Чжоу Цзыци задумчиво кивнул:

— Значит, игроки, превратившиеся в кукол, всё ещё имеют возможность выжить, но если их убьют, то всё кончено?

Ли Байцзю кивнул, доброжелательно сказав:

— Ничего страшного. Если тебе трудно передвигаться, я помогу тебе с охотой после обеда.

Увидев, что Чжоу Цзыци опустил голову в раздумьях, он подумал, что тот мучается из-за морального бремени охоты на других игроков, и утешил его:

— Жизнь после превращения в куклу хуже смерти, и если ты не убьёшь их, они убьют тебя. Не носи этого психологического груза.

Чжоу Цзыци мягко и нежно сказал:

— Спасибо тебе.

Ли Байцзю покраснел и забормотал:

— П-пустяки.

Инь Люмин с некоторой долей скептицизма наблюдал, как Чжоу Цзыци обвёл Ли Байцзю вокруг пальца всего несколькими фразами.

Неужели Ли Байцзю был из тех, кто не может оторвать глаз от красивых людей? Разве он забыл, что немногие, кто попадает в сон-наказание, в основном ненормальны? Каким бы болезненным ни выглядел Чжоу Цзыци, тот факт, что он оставался бесстрастным даже будучи охваченным пламенем, показывал, что он был либо безжалостным персонажем, либо сумасшедшим.

Инь Люмин встал:

— Вы двое поболтайте. Я пойду осмотрюсь.

Ли Байцзю посмотрел на Инь Люмина, затем на Чжоу Цзыци, внутренне поборолся довольно долго и, наконец, с трудом произнёс:

— Я продолжу объяснять Цзыци основы этого сна.

Инь Люмин взглянул на Чжоу Цзыци и улыбнулся:

— Хорошо. Чем подробнее объяснение, тем дольше можно прожить.

.....

Инь Люмин нашёл Хань Чэ в углу.

Хань Чэ сидел на земле с ледяным лицом, вся его аура кричала «посторонним держаться подальше».

Когда Инь Люмин встал перед ним, тот поднял голову и нахмурился:

— Ты кто?

— Ты меня не помнишь?

— Я должен тебя помнить?

Инь Люмин внутренне вздохнул.

Как и говорила кукла-свинка, после того как Хань Чэ восстановился из состояния куклы обратно в состояние игрока, он не только потерял все прошлые воспоминания, но даже его текущие воспоминания могли сохраняться лишь на короткий период.

Тело — главный сосуд для хранения памяти.

Он сел напротив Хань Чэ:

— Я хочу спросить тебя о некоторых вещах.

— О чём?

— Какое самое раннее событие ты сейчас помнишь?

Хань Чэ нахмурился в раздумьях:

— Вчера во время охоты на кукол я не нашёл свинью. Это было очень разочаровывающе.

Инь Люмин:

— ...Зачем искать свинью?

— Не помню. — Хань Чэ серьёзно подумал. — Может, потому что свиньи вкусные.

—...Ладно. — Инь Люмин пристально посмотрел в глаза Хань Чэ: — Ты помнишь, как превратился из куклы обратно в игрока?

Хань Чэ замер на довольно долгое время. Как раз когда Инь Люмин подумал, что он спросит: «Когда я превращался в куклу?» — Хань Чэ вдруг заговорил:

— Не помню ясно. Помню только очень раздражающий звук шестерёнок и скрипящий звук какого-то механизма.

Шестерёнки? Скрип?

Инь Люмин мог примерно догадаться о последнем — это, должно быть, был звук закручивания заводного ключа.

У каждого игрока и куклы был заводной ключ. Ключи на куклах контролировали подвижность кукол. Ключи на игроках выполняли ту же функцию? Чем туже заведён ключ, тем сильнее

связь между сознанием и этим игрушечным телом?

Инь Люмину вдруг очень захотелось попробовать, что будет, если он ослабит свой собственный ключ.

К сожалению, у него не было неопровержимых доказательств того, что ослабление ключа определённо позволит сознанию отделиться от игрушечного тела — и даже если отделится, не факт, что он сможет вернуться в своё первоначальное тело.

Если возникнут какие-либо проблемы, больше не будет ни одного заслуживающего доверия человека, который помог бы ему снова затянуть ключ. Но если бы Шэнь Ло был здесь, он, возможно, рискнул бы попробовать.

Хотя Хань Чэ практически ничего не помнил, он был очень бдителен и не хотел много говорить с Инь Люмином.

Инь Люмин поразмыслил и не стал дальше расспрашивать. Он не прошёл и нескольких шагов, как увидел впереди стоящего человека.

Чжоу Цзыци напротив него улыбнулся:

— Какие-то успехи?

— В чём смысл?

— Ты хочешь прорваться и покинуть этот сон, верно? — сказал Чжоу Цзыци. — Я тоже хочу. Если возможно, не хочешь ли объединиться?

Инь Люмин приподнял бровь. Он внимательно осмотрел Чжоу Цзыци, затем улыбнулся и вежливо отказался:

— Нет, я привык быть один.

Чжоу Цзыци сказал:

— У меня есть особая способность, которая, возможно, сможет тебе помочь.

Инь Люмин выглядел несколько удивлённым:

— Какая?

Чжоу Цзыци легко коснулся своего собственного уха:

— Слух. Не слуховое восприятие звука, а восприятие сверхъестественных сил — будь то иллюзии, психическая энергия, у всех есть свои колебания. Мои уши могут точно определять их типы и использовать это для их обнаружения.

Инь Люмин искренне удивился, подняв брови:

— Это работает и в этом сне?

— Да. — Чжоу Цзыци снова кашлянул пару раз. — Этот талант был у меня ещё до входа в Игру Кошмаров. Он кажется мощным, но серьёзно подрывает моё физическое здоровье — я вошёл в Игру Кошмаров в надежде избавиться от этой способности.

Что-то, для решения чего требуется желание в Игре Кошмаров, ещё менее вероятно исчезнет в обычном сне.

Прямо как собственная бессонница Инь Люмина.

Инь Люмин спросил:

— Почему выбрал меня?

— Мой слух может различать энергии. — Чжоу Цзыци взглянул назад на ту группу игроков. — У всех них есть своего рода спящая, зловещая вибрация, означающая, что они все лично убили кого-то.

Он снова посмотрел на Инь Люмина, искренне говоря:

— Но у тебя её совсем нет. Хотя я и не знаю, как система оценила тебя для попадания в сон-наказание, раз ты никого не убивал, значит, у тебя есть черта, которую ты не переступишь — сотрудничать с таким, как ты, безопаснее для кого-то столь же физически слабого, как я.

Инь Люмин поразмыслил, затем улыбнулся и сдался:

— Что ж, тогда приятного сотрудничества.

Чжоу Цзыци облегчённо рассмеялся, затем сказал:

— Ты только что разговаривал с Хань Чэ?

— Ты его знаешь?

— Ли Байцзю упоминал его. К тому же Хань Чэ когда-то был довольно известен в Игре Кошмаров. — сказал Чжоу Цзыци. — В своём пике он когда-то занимал пятьдесят четвёртое место в таблице очков, прославившись своей боевой мощью.

Он ностальгически вздохнул.

— Кто бы мог подумать, что он застрянет в этом сне-наказании.

Инь Люмин оглянулся на Хань Чэ, сидящего одного в углу.

Его предыдущая догадка не была ошибочной — ранговый игрок, пытающийся прорваться через этот сон-наказание, действительно был Хань Чэ.

— Я расспрашивал о Хань Чэ у нескольких других игроков, изначально надеясь сотрудничать с ним. — вздохнул Чжоу Цзыци. — К сожалению, он полностью потерял прошлые воспоминания. С тех пор как его хороший друг умер, он ещё больше сопротивляется сближению с кем бы то ни было. Нет способа общаться.

Инь Люмин был несколько удивлён. Чжоу Цзыци был в этом сне всего полдня, но сумел беспрепятственно собрать информацию у стольких опытных игроков...Возможно, его болезненный вид заставлял казаться его более безобидным.

— Кем был его хороший друг?

— Не знаю имени — Хань Чэ и его друг были очень обособленными, практически не общались с другими, сосредоточившись только на исследовании способа прорыва сна. — Чжоу Цзыци внезапно поднял взгляд на Инь Люмина и улыбнулся. — Прямо как ты.

Инь Люмин улыбнулся и приподнял бровь:

— Это плохо?

— Плохо, если ошибаешься в людях. — сказал Чжоу Цзыци. — Согласно другим игрокам, когда Хань Чэ и тот друг участвовали в одном и том же представлении сказки, у обоих оставался только последний шанс. В критический момент жизни и смерти Хань Чэ был решительно брошен тем другом, что и превратило его в куклу. Позже тот друг даже захотел охотиться на Хань Чэ как на куклу, но вместо этого был сам убит Хань Чэ, что позволило Хань Чэ превратиться обратно в игрока.

Оказывается, вот как было. Инь Люмин искренне восхитился способностью Чжоу Цзыци

собирать разведданные у игроков.

.....

Первой целью их сотрудничества после достижения соглашения стал медведь, приходивший трясти стол каждый день после полудня.

Инь Люмин стоял у края стола, поддерживая рядом с собой болезненно выглядящего, казалось бы, сдуваемого ветром Чжоу Цзыци.

Чжоу Цзыци склонил ухо к пасти куклы-медведя, полной острых зубов, внизу, его брови постоянно хмурились и разглаживались, тело время от времени вздрагивало. Инь Люмин должен был крепко держать его за руку, чтобы тот не слетел со стола от тряски.

Через некоторое время Чжоу Цзыци кашлянул:

— Во рту того медведя есть очень знакомое колебание.

— Знакомое?

— Похоже на колебание, которое я слышал при входе в этот сон. — сказал Чжоу Цзыци. — Я даже подозреваю, что его пасть — это выход из этого парка развлечений.

Инь Люмин пристально смотрел на медвежью пасть, полную острых зубов, молча размышляя.

Когда он тайно последовал за близнецами в дом с приведениями, он стал свидетелем всего процесса входа Чжоу Цзыци в этот сон — падение прямо из пасти медведя-куклы в натуральную величину.

Возвращаясь обратным путём, медвежья пасть действительно могла вести к настоящему телу. При условии, что Чжоу Цзыци говорил правду.

Взгляд Инь Люмина упал на дрожащую руку Чжоу Цзыци, на его лице появилась улыбка:

— Сны-наказания причудливы и изменчивы. Лучше быть поосторожнее.

Чжоу Цзыци искоса взглянул на него, соглашаясь:

— Верно. Раз ты можешь избежать наказания в этом сне, лучше быть уверенным и неторопливым.

Инь Люмин приподнял бровь:

— Нужна помощь с охотой на карусели позже?

Чжоу Цзыци на мгновение опешил, затем покачал головой:

— Не нужно, я справлюсь сам.

Инь Люмин улыбнулся и не настаивал.

Когда началась обычная охота на кукол, Инь Люмин не спешил искать игрока-свинку. Вместо этого он сначала нашёл Хань Чэ.

Хань Чэ недавно не выбирали актёром для сказки, поэтому полосы на его лице всё ещё были полны. Он сидел в стороне с закрытыми глазами, отдыхая, не собираясь убивать кукол.

Он внезапно открыл глаза, холодно глядя на Инь Люмина перед собой:

— Что нужно?

Инь Люмин улыбнулся:

— Отведу тебя к свинье.

Хань Чэ:

— ...

Когда Инь Люмин привёл Хань Чэ к игроку-свинке, тот отчаянно бежал назад — другой игрок держал что-то вроде копья, пытаясь ткнуть его в зад.

Инь Люмин ловко перехватил атаку того игрока.

Тот игрок сначала выглядел разъярённым, но, посмотрев на недавно очень эффективного в бою Инь Люмина и ранее очень эффективного в бою Хань Чэ, благоразумно предпочёл уступить.

Игрока-свинку, вначале обрадовавшегося, увидев Инь Люмина, тут же вырвало «Ёлки-палки!» при виде Хань Чэ позади него:

— Босс, зачем ты привёл сюда этого убийцу?

Инь Люмин улыбнулся:

— Не бойся. Я здесь.

Игрок-свинка осторожно посмотрел вверх на Хань Чэ, чувствуя некоторое облегчение, но также и замешательство:

— Тогда зачем я вам понадобился? На стороне кукол в последние несколько дней ничего особенного не происходило...

— Привёл его сюда, чтобы спросить тебя — ты знал Хань Чэ раньше?

— Знать о нём считается? В конце концов, он топовый игрок.

Инь Люмин пристально посмотрел на игрока-свинку, затем взглянул на холодное выражение Хань Чэ и внезапно сказал:

— Кстати, я до сих пор не знаю твоего имени?

Игрок-свинка на секунду остолбенел, подумал и неловко рассмеялся:

— А, действительно, я ещё не представился. Меня зовут...

Его голос внезапно оборвался.

Инь Люмин наблюдал за его всё более растерянным выражением и терпеливо спросил:

— Как тебя зовут?

Выражение лица игрока-свинки долго оставалось ошеломлённым. Человеческое лицо на его груди постепенно накапливало след замешательства:

— Я не помню.

Он не помнил своего собственного имени.

Как он мог не помнить своего собственного имени?

Инь Люмин заметил этот момент несколько дней назад — игроки в этом сне были очень увлечены представлением своих имён другим, но после нескольких разговоров с игроком-свинкой, тот так ни разу и не упомянул своего имени.

Игрок-свинка оставался в молчании довольно долго, прежде чем заговорить:

— Это то, что ты хотел подтвердить?

— Ты знаешь имена других кукол?

— Никогда не слышал, чтобы они называли.

Инь Люмин кивнул.

Если его предыдущее предположение было верным — что игроки, превращающиеся в кукол, представляют разрушение их тел — то воспоминания, хранящиеся в теле, неизбежно будут постепенно утрачиваться.

Инь Люмин сказал:

— У меня есть догадка.

— Какая?

— Вы с Хань Чэ, возможно, знали друг друга раньше.

Игрок-свинка и Хань Чэ оба на мгновение застыли, глядя друг на друга.

Игрока-свинку, замороженного льдом во взгляде Хань Чэ, мгновенно развеяла охватившая его паника из-за амнезии:

— Босс, ты просто гадаешь, да?

Инь Люмин, видя робкое поведение игрока-свинки перед Хань Чэ, слегка приподнял бровь:

— Разве ты не чувствовал, что ваши взаимодействия довольно гармоничны?

На поверхности это выглядело как охотник и добыча, но в их различных действиях и взглядах было что-то странное.

Хань Чэ нахмурился:

— Я слышал, что до амнезии у меня был друг. — Он сделал паузу. — Но я не помню.

Игрок-свинка неуверенно спросил:

— Вы с тем другом были в хороших отношениях?

Инь Люмин сказал:

— Я слышал, что Хань Чэ был обманут тем другом, что заставило его полностью потерять все шансы и превратился в куклу.

Игрок-свинка:

—...

Игрок-свинка:

— Босс, я чем-то тебя обидел?

— Я планирую отвести вас найти способ прорвать сон. — сказал Инь Люмин. — Ты можешь выбрать идти или нет.

Игрок-свинка в недоверии широко раскрыл глаза:

— Меня?

— Да.

— Тогда о чём вопрос? Конечно, хочу пойти! — Игрок-свинка снова осторожно взглянул на Хань Чэ, и его дух снова поник. — Но зачем брать меня?

Как кукла, кроме того чтобы быть обузой, он абсолютно бесполезен.

Инь Люмин улыбнулся:

— В качестве живого щита.

Игрок-свинка:

— ???

— Шучу. Мне просто нужны надёжные товарищи по команде, которые не воткнут нож в спину.

Игрок-свинка был озадачен:

— Тогда меня уж точно не стоит выбирать?

Разве игроки не говорили, что Хань Чэ пострадал из-за него?

— То, что они сказали, — это лишь то, что они наблюдали. Мои мысли как раз противоположны. — сказал Инь Люмин. — И даже если бы ты захотел воткнуть мне нож в спину, ты бы не смог.

Хань Чэ холодно сказал:

— Я ещё не согласился.

Инь Люмин улыбнулся:

— Ты планируешь отказаться?

Хань Чэ помолчал, прежде чем сказать:

— Можно сходить.

.....

В ту же ночь Инь Люмин вывел Хань Чэ из игрушечного ящика.

Возможно, разозлённые Инь Люмином, близнецы добавили ещё одно представление ночью — Инь Люмин снова играл Русалочку, снова сталкиваясь с придирками Юэюэ.

В точности как несколько дней назад, Инь Люмин, полагаясь на таинственную силу издалека, компенсировал проблему утопления. Три полосы на его лице остались неизменными.

Близнецы сердито пошли спать.

Затем Инь Люмин и Хань Чэ проворно нашли игрушечную машинку.

Хотя Хань Чэ и потерял большую часть воспоминаний, всё же он был игроком, поднявшимся до рангового положения в Игре Кошмаров, и он нисколько не колебался в действиях.

Двое доехали на игрушечной машинке до двери.

Дверь комнаты была плотно закрыта. При их росте чуть более десяти сантиметров просто не было способа её открыть. Дверная ручка находилась на высоте почти в десять раз превышающей их собственный рост, практически недостижимая.

Инь Люмин вышел из машины, глядя на дверную ручку.

Хань Чэ выпрыгнул из игрушечной машинки:

— У тебя есть план?

— Да, мне нужна твоя помощь.

Инь Люмин поднял порванный длинный подол платья.

— Забрось меня вверх.

Хань Чэ нахмурился:

— Что?

— Я видел твою боевую мощь во время охоты на кукол, особенно навык использования силы. — Инь Люмин потянул подол. — У этой юбки хорошая эластичность. Использовать её как рогатку, чтобы забросить меня к дверной ручке, не должно быть проблемой, верно?

Хань Чэ посмотрел на него со странным выражением:

— При силе, необходимой для запуска на такую высоту, ты определённо потеряешь одну жизнь.

Инь Люмин оставался спокойным:

— Всё в порядке.

Хань Чэ изучал его довольно долго, его ледяное выражение смягчилось:

— Тогда попробуем — только не вини меня, если ты взлетишь наверх и всё равно не сможешь открыть дверь.

— Конечно.

.....

В глубокой ночи, когда дверь открылась, она издала пронзительный «скрип», разбудив всех игроков.

Увидев лучик лунного света, проникающий снаружи, все на мгновение застыли.

Раньше эта дверь открывалась только когда входили близнецы. Она никогда не открывалась из-за какого-либо происшествия раньше — что происходит сегодня ночью? У близнецов ночная игра?

Несколько быстро проснувшихся игроков вскочили как раз вовремя, чтобы увидеть игрушечную машинку, выезжающую из двери и оставляющую за собой след пыли.

Игроки мгновенно среагировали: Боже мой, кто-то сбегает!

Игроки, которые были во сне не слишком долго и всё ещё лелеяли мысли о побеге, вскочили и, подумав с минуту, последовали, сбежав со стола наружу.

Игроки, которые были в этом сне дольше, наблюдали с менталитетом наслаждения зрелищем, оставаясь в игрушечном ящике — если этот сон будет прорван, их тоже выпустят, если нет, эти безрассудные юнцы попадут в руки близнецов, и кто знает, какие муки они претерпят.

Проще просто подождать здесь и посмотреть на результат.

...

Инь Люмин повёл игрушечную машинку не в сторону дома с приведениями, а повернул в противоположном направлении.

Он остановился у уличного ларька.

За ларьком был ряд деревянных полок, аккуратно уставленных тихими куклами. Перед ларьком стояло несколько пневматических ружей.

Хань Чэ посмотрел вверх на кукол на полках, слегка нахмурился, затем расслабился:

— Кажется, у меня есть некоторые воспоминания об этом месте.

— Похоже, я не ошибся местом. — спокойно сказал Инь Люмин. — Теперь нам нужно найти его.

Ночь была тёмной. Хотя был лунный свет, навес перед ларьком блокировал свет.

Инь Люмин поднял с земли небольшой камень, взвесил его в руке и с силой метнул в сторону полок.

Из-за своего ограниченного роста он мог попасть только в нижние ряды — и когда камень пролетел рядом с одной куклой, та собака-кукла внезапно широко раскрыла пасть, обнажив острые зубы, и проглотила камень одним глотком.

Хань Чэ равнодушно сказал:

— Похоже, будет не так просто.

Инь Люмин не удивился. Он повернулся к столу с винтовкой:

— Тогда воспользуемся обычным методом.

Они вдвоём забрались на стол с помощью скатерти. Эта пневматическая винтовка в положении лёжа была им почти по пояс.

Инь Люмин кратко изучил её, поставил реплику винтовки вертикально, затем похлопал Хань Чэ:

— Передаю тебе.

Хань Чэ нахмурился.

— Кукол-свиней много. Выбери ту, к которой есть чувство. — кратко сказал Инь Люмин. — Не промахнись.

Хань Чэ взглянул на него:

— Так вот зачем ты меня привёл.

Инь Люмин сделал жест «пожалуйста».

Хань Чэ встал за прицелом пневматической винтовки, сосредоточившись на полках.

На полках было пять розовых кукол-свиней.

Хань Чэ закрыл глаза в раздумьях на мгновение, затем внезапно развернул дуло, прицелился в самый низ полки и нажал на спусковой крючок.

Бах!

Мягкая пуля пробила картонную коробку, стоявшую там, и выбила спрятавшуюся за ней куклу-свинью.

Кукла-свинья несколько раз перекатилась по земле, вскрикнув «Ой!» от боли.

Когда Инь Люмин подъехал к ней на игрушечной машинке, та потеряла зад и пожаловалась:

— Нельзя было способом помягче?

— Меньше болтовни. Садись.

Игрок-свинка втиснулся на заднее сиденье, бормоча:

— Я просто прятался от стрельбы близнецов. Ты не представляешь, как этот маленький дьявол любит стрелять из пневматической винтовки...

Инь Люмин обратил немного внимания:

— Яньян приходит играть с пневматической винтовкой?

— Конечно. В таком большом парке развлечений, чем они только не играют?

— А Юэюэ?

— Не видел....

Как раз когда Инь Люмин собирался спросить ещё, он внезапно резко затормозил!

Шины завизжали по земле. Игрок-свинка и Хань Чэ на заднем сиденье втиснулись друг в друга.

— Ч-что происходит?

Взгляд Инь Люмина упал на человека, стоящего перед машиной.

Чжоу Цзыци по-прежнему выглядел болезненным, и улыбаясь, он поздоровался:

— Подвезёте?

<http://bllate.org/book/13213/1244333>